

ТАИНСТВЕННОЕ «26»

Число «26» занимает огромное место в жизни Пушкина. В моих исследованиях «Диагональ Изида» и «Посвящение гения» разбираются отдельные случаи числовой мистики событий пушкинской жизни, связанных с таинственным *Двадцать шесть*. Сам поэт отмечал, что «важнейшие события его жизни все совпадали с днём вознесения» – 26-м мая, когда он появился на свет.

Вознесение – наиболее мифический эпизод Новозаветной истории. Но и в *логику мифа* он не вписывается – бытовые подробности предыдущих происшествий «жизнеописания Иисуса из Назарета» не позволяют. Именно «Вознесение» – наряду с «Воскресением» (в трактовке Канона) и «Спусканием во ад» – породили отношение к Христу как к чистому мифу. Взвизги и выверты прохиндея Савла и “истеричного” Тертуллиана: «безумие для эллинов», «верую, ибо абсурдно» – атмосферы не проясняют. Рассказ евангелистов петляет из быта в миф и из мифа в быт с непоследовательностью всех восточных повествователей, которые мечутся между *достоверностью*, стараясь бытовыми подробностями выглядеть правдивыми, – и *занимательностью*, стремясь вымыслом поразить воображение и, захватив, оказаться нескучными. В изложении чувствуется натужность искусственно состряпанного конца, которым решили как-то завершить Новозаветный фавль’д’от. Авторы оказались не на уровне описываемого персонажа.

Потому-то и соединилось мистически число «26» – коварное и несчастливое – с басенным сюжетом главнейшего текста на земле. «В несчастливый день родился», – объяснял Пушкин очередную мизерабельность своего бурного бытия.

Но Высшие Силы методично воспитывали избранника. Каждая тринадцатая годовщина была прохождением через *Смерть* Тринадцатого аркана Таро.

Действительно, в 1812 году (год первого *тринадцатилетия*) началась Великая Отечественная война, и это было для юноши на-

стоящим свиданием со смертью – пока ещё гуляющей вокруг да около. Но альпийский *Чёртов мост*, взятый с бою Суворовым в год рождения поэта, отыграл свою семантику и символизм в партизанском беспределе «диких славян», а в 1813 году – в *битве народов*.

Второе *тринадцатилетие* подступило с 1825 годом. В это время «неугомонного» homo самопись'ens'a перевели для остужения в Михайловские снеговые меха, но этому предшествовало одно знаменательное событие. В 1820 году, путешествуя с двумя Раевскими по Крыму, Пушкин попадает в Алупку. Здесь, обходя с моря гору Кошку («Кот учёный»), путешественники поднимаются в Байдарскую долину по *Чёртовой лестнице*. Там им предстают руины древнего храма Артемиды и *памятника дружбы* – храма Орестеонов.

Как видим, второе тринадцатилетие ознаменовалось «взятием» *Чёртовой* лестницы и паломничеством к Храму дружбы. Это – посвятельные ориентиры второго этапа пушкинского *Pilgrim's Progress'a*.

Поэт ошибался, думая о коварности 26-го мая. Все 26-е числа были заряжены событиями. Многие такие узлы были названы в упомянутых исследованиях. Но вот наступил «год *двадцати шести*». – И Пушкин подобрался.

Две *чёртовы дюжины* – это не шутка. Только недюжинному человеку такое по плечу.

Мне неоднократно приходилось высказываться, что демонология – базис любой основательной религиозной доктрины. Выяснить, что источник зла находится на земле, а не в небесах – яркое свидетельство мастерского уровня мыслителя. И Пушкин недвусмысленно высказался на «заданную тему».

Вот экзаменационное сочинение новопосвящённого духовного рыцаря:¹

ДЕМОН

1

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –

¹ Реконструкция моя. – ОК.

И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, –
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений²
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистошимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

2

Бывало, в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил – их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мне –
Едва приблизился я к ним,
[Как отступило упоенье. –
Здесь место избранным одним.]

² К этому месту есть и второе:

*Какой-то гений обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал...*

(«Разговор книгопродавца с поэтом», 1824 г.)

Моё беспечное незнание
Лукавый демон возмутил,³
И он моё существование
С своим навек соединил.
Я стал взирать его глазами.
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нём искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный
Напрасен опыт вековой.

3

Изыде сеятель сеяти семена своя

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

³ Это второе название «злобного гения».

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Это очень значительно по гностическому содержанию. Орденская адресность подтверждается сличением с «курсовой» – великолепным посланием сидящему в каземате члену ложи «Овидий» поэту и революционеру В. Ф. Раевскому. После исповедальных строк воспоминания о лёгкой и весёлой жизни в недавнем прошлом, автор сдвигает брови и голос его бронзовеет до пророческой пафосности:

Но всё прошло! – остыла в сердце кровь.
В их наготе я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувства нет. Так лёгкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нём безумец молодой
Чего искал, к чему стремился,

Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился?

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
А человек всегда тиран иль льстец,
Иль предрассудков раб послушный.

Это стихотворение 1922 года было ответом на закрытие всех масонских лож в России, и Пушкин прекрасно знал и не раз отмечал, что облава началась из-за его Кишинёвской⁴. И всё же он *успел*: «Языком истины свободной» можно говорить с толпой только напитавшись орденом гнозисом. Два последних четверостишия – квинтэссенция «Сеятеля». Это свидетельствует о точно выраженной позиции, а не о спорадических настроенческих всплесках. С чётким познанием источника зла и вопрос с добром проясняется.

Во всяком случае, когда с 26-го мая 1825 года для Пушкина начинается ответственная зона «26», его не застаёт врасплох это испытание. Весь 1825 год идёт активная переписка поэта с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым. Блестящие литераторы, оба – ученики Пушкина, они были рупором его идей и взглядов, публикаторами основных произведений 1823-25 годов. Поддерживая друзей присылкой стихов, мэтр отмечает удивительную деловитость и целенаправленность соредкторов. Когда ноябрьское наводнение 1824 года уничтожило тираж альманаха на 1825 год, его напечатали снова, хотя и доставили подписчикам с опозданием, в марте. Пушкин откликнулся на событие:

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!

⁴ «Я был масон в Кишинёвской ложе, т. е. той за которую уничтожены в России все ложи» (из письма Жуковскому 20 января 1826 г.).

От петербургского потопа
Спаслась Полярная Звезда.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

В разгар репрессий, в январе 1826 года Пушкин перебеляет стихотворение и рисует над ним профиль Пестеля – пустячок беззаботной жизни становится прокламацией отсидевшегося в кустах подрывника. Да и неизвестно, отсидевшегося ли.

За славословие их «Звезде» («Звезде пленительного счастья») стихотворения Пушкина, где он предпочёл остаться анонимом, соредакторá наградили его подписью в виде двух звёздочек – своей звёздной суммой. Это ещё и две чёртовы дюжины 1825 года – 26-го в жизни поэта.

Мучаясь сидением в глуши, в отрыве от событий, Пушкин пишет черновое письмо Александру I с покаянием, подробным изложением своего дела и просьбой разрешить переезд в одну из столиц или за границу по причине болезни. Одновременно задумывает собрать 15 тысяч рублей,⁵ чтобы на них бежать в Америку или Грецию. Знакомые уговаривают друг друга не предоставлять Пушкину кредит, чтобы не терять любимого поэта. Но михайловский сиделец размечтался:

Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Умолкни, сердца шёпот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагоприятный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени

⁵ Почему именно 15? – Пушкин заикнулся на этом числе *испытательного* аркана.

И снов задумчивых души.
 Мой брат, в опасный день разлуки
 Все думы сердца – о тебе.
 В последний раз сожмём же руки
 И покоримся мы судьбе.
 Благослови побег поэта,
 [Не осуди его тогда
 И] где-нибудь в волнение света
 Мой глас вспомни иногда...
 Умолкнет он под небом дальним
 [В глубоком, непробудном] сне,
 Один, [изгнанником] печальным
 Угаснет в чуждой стороне.
 К моей могиле безымянной
 [Не притечёт отчизны сын...]
 [Но всё ж] настанет час желанный,
 И [барда вспомнит] славянин!⁶

Ни первый, ни второй план оказались не реализованными. По поводу аневризма ему обещали прислать лучшего дерптского хирурга на дом бесплатно (!). С той же страстью, с какой Пушкин доставал всех со своей ногой, он стал панически отказываться. Бедный Джук в столице очередной раз тормоза двор по поводу своего любимца, опять остался в дураках. Вяземский, выговаривая в письме другу за его легкомыслие, пишет о невыгодах роли гонимого в русских условиях и о том, что положение гонимого и оппозиционера не прибавляет популярности в глазах русской публики. Пушкин взорвался: «Заступники кнута и плети!»

Какое счастье, что царь оказался непреклонным! Пушкин на вынужденном досуге создаёт «Бориса Годунова».

Узнав о начале работы над трагедией, Иван Дмитриев пишет Вяземскому: «Желаю А.П. счастливых успехов и на новом поприще; достанет ли искусства в сердцеведении, сомнительно; а за прелесть стихов можно ручаться»⁷. Между тем, первое упоминание о начатой работе находится в письме Вяземскому от 13-го июля: «Я

⁶ Реконструкция моя. – ОК.

⁷ Прочтя законченное произведение, он оставил сомнения.

предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию. ...Не могу вытерпеть, чтоб не выписать её заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Воронице. – Каково?»*

Трагедия с названием *Комедия* – это абсолютно в духе «раба божьего» и *Дурака*. Парадоксальность исторической ситуации вокруг Годунова его особенно поразила. И, несмотря на кровавость событий, ничего кроме «*козлиной песни* в скomorошьей свистопляске» в голову не пришло и из-под пера не вышло.

Собственно, произведение есть ряд разговорных сцен, написанных по канве «Истории» Карамзина, и ближе всего по жанру к историческим хроникам Шекспира. «Природным дуракам» английского оригинала в пьесе *сына Сергеева* соответствует юродивый с тем же статусом неприкосновенности карнавальная «персоны грата».

Судя по восторженным отзывам и характеристикам в письмах этого времени, Пушкин постоянно перечитывает Шекспира, стараясь перенести розенкрейцерский принцип отношения к историческому материалу на русскую почву. Ведь и его труд был коллективным. Помимо соавтора Карамзина в работе участвовал весь творческий цвет орденской интеллигенции России. Через несколько десятилетий воспитанник пушкинского ученика Антония Погорельского Алексей Константинович Толстой вкуче с братьями Жемчужниковыми создают русский вариант «великого писателя и драматурга». А почин положили «Нравоучительные четверостишия» 1826 г.⁸

Как всегда Пушкин творит от имени «братства», поэтому он не тается, но постоянно «заголяется» в тайнствах своей работы. В конце июля он пишет Н. Н. Раевскому мл.: «У меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии; последняя продвигается вперёд, и я доволен ею. ...Я пишу и размыш-

⁸ Были написаны Пушкиным и Языковым при участии А. Вульфа.

ляю... Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» (пер. с фр.).⁹

Но вот опять «26». 26 июня от императора в Псков идёт депеша, где позволяется Пушкину «приехать в г. Псков и иметь там пребывание до излечения болезни». Губернатору вменяется: «Е.И.В. угодно, чтобы Ваше превосходительство имели наблюдение как за поведением, так и за разговорами Пушкина».

13 сентября. Пушкин записывает сцену у фонтана «Бориса». Сцена сочинена во время прогулки верхом и не зафиксирована из-за отсутствия пера и бумаги. По словам автора первоначальный текст был несравненно прекраснее. Естественно, виноват конь.

13 же сентября Пушкин заканчивает вторую часть трагедии (начиная со сцены «Москва. Дом Шуйского», кончая сценой у фонтана). Реагируя на царский указ, пишет Вяземскому: «Псков для меня хуже деревни, где, по крайней мере, я не под присмотром полиции». На следующий день читает несколько сцен из «Бориса» лицейскому товарищу А. М. Горчакову, оказавшемуся в гостях у соседей. Дома его ждёт письмо от благородного Жуковского с нападением не отвлекаться от трагедии и надеждой, что когда «Годунов» будет окончен, то возникнет предлог начать новые хлопоты о возвращении из ссылки. Внушение вести себя благоразумно: «Перестань быть эпиграммой, будь поэмой».

Конец октября (26 и далее). А. А. Бестужев обращается к Вяземскому: «Мы начинаем печатать «Полярную» и у ледяного моря нашей словесности ждём погоды». Сетует, что Пушкин не пишет.

А не писал он потому, что незаслуженно оскорбил и обидел Рылеева (история с dummm)¹⁰ в стиле давнего «кюхельбекерно». Великодушные Вильгельм и Кондратий простили горячо обожаемого поэтического мэтра, но по человечески невольно отдалились от безжалостного «человека-эпиграммы», или попросту Чушкина, как сказал о нём Ф. Толстой.

Наконец, 7 ноября «Борис Годунов» закончен. Пушкин шлёт Вяземскому среди балагурства отчёт об окончании работы над трагедией: «Трагедия моя кончена; я перечёл её вслух, один, и бил в

⁹ По неизвестной причине письмо послано не было.

¹⁰ См. ст. «Утаённая любовь» данного издания.

ладоши, и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!»¹¹. Далее следуют сомнения, что царь простит его за трагедию и что надежды Жуковского неосновательны.

Но дело было совсем не в этом. Деятельность революционных тайных обществ нарастала. Мистик Александр Павлович чувствовал, что грядёт возмездие за молчаливо санкционированное им убийство отца. Свой зов эскапизма он решил довести до конца. До осуществления остались считанные дни. Разыгрываемая трагикомедия оказалась позабавней шестивий Смутного времени.

Катаклизм приближался.

В середине ноября после долгого молчания, видя неотвратимый ход могучих событий, презрев обиду, Пушкину пишет последнее (как оказалось) письмо Рылеев. Александру *Воронечскому* кажутся продолжением занудства прежние разговоры о гражданственности; он оставляет за Пегасом лишь вольный бег на свободе в аркадийских лугах и отказывается впрягать его даже «в телегу, подвозящую хлеб человечеству»¹². Фрондёрские разговоры под шампань – для Пушкина «всё это было только скука»... Через месяц, оплаченные кровью и страданиями, они станут позицией. Герои 1812 года и их юные подражатели старались быть серьёзными в жизни, как Пушкин в поэзии. Ведь и он в «Борисе» оставил свои лирические белендрясы, о которых он презрительно говорил как своих «испражнения».

В апреле 1824 года, отправляясь к пасхальной заутрене, Пушкин зовёт приятелей «услышать голос русского народа» (в ответ на «Христос воскрес!» с амвона). Ныне у него грозно и многозначительно «народ безмолвствует». Причём поэт не скрывает и не открещивается от всех злободневных намёков и аллюзий. Это и есть те самые «ослиные уши», которые торчат из-под колпака юродивого.

Так что, закончив свой литературный подвиг, он не смягчил, а усугубил своё положение. Но перемены надвигались.

¹¹ Подробнее см. ст. «Пророк» настоящего издания.

¹² Любимый образ Достоевского.

26 ноября из Таганрога в Москву стартует фельдъегерь с известием о «кончине» Александра I. Всё верно, император Александр кончился; начался старец Фёдор Кузьмич.

27 ноября по распоряжению Николая Павловича войска в Петербурге приводятся к присяге Константину. Вечером к присяге приводится и Государственный совет.

30 ноября – последнее письмо А. А. Бестужеву. В нём михайловский сиделец сообщает об окончании трагедии: «я... ею очень доволен; но страшно в свет выдавать – робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма». Он должен выдерживать интеллигентскую позу, а хочется для отдохновения удариться в какое-нибудь жуткое похабство. В написанном почти одновременно письме Вяземскому он жалуется, что (по причине перлюстрации) не может «являться ... в халате, нараспашку и спустя рукава».

И в этот же день (или на следующий) он узнаёт громоподобную новость о смерти Александра. Вот оно: «26» крупным планом.

Первое, что делает Пушкин – бросается в Петербург. Под именем крепостного тригорской помещицы Осиповой Алексея Хохлова, имея при себе «билет», помеченный задним числом (29-ым ноября), он выезжает с садовником Архипом Курочкиным из Михайловского по дороге в Петербург.

Вот здесь и выскакивает из-под земли русская сказочно-былинная мистика, смысл которой до сих пор адекватно не прочтён.

Начнём с того, что «билет» («маленький билль о правах») смастерил себе – не теряя времени – сам Александр Сергеевич. Но билет – этого мало; надо было соответственно изменить внешность: сбрить бакенбарды было не сложно, но нарастить в одночасье бороду – как? Накладной бороды под рукой, судя по всему, не нашлось. Поэтому, несмотря на горячность порыва, осуществить его инкогнито было невозможно. Помимо поднадзорности Пушкин имел огромное количество барских черт и привычек, закамуфлировать которые в считанные часы приготовлений к вылазке было невыполнимо. Вот его простонародное описание, сделанное одним из купцов незадолго: «29-го мая в Св. Горах был о девятой пятницы и здесь имел счастье видеть Александру Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а

наприм. у него была надета не голове соломенная шляпа – в ситцевой красной рубашке, опоясовши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду, так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около 1/2 дюж.».

Даже в темноте это никак не похоже на «крепостного Алексея Хохлова», а ведь потом, по ходу дела, надо было много раз представлять на свету полицейским исправникам. Даже если Пушкин в энтузиазме лишил себя холёных длинных ногтей, после того, как побрился.¹³ Конечно, над «Домиком в Коломне» можно похохотать, но тут было совсем не до смеха. Да и садовник Архип был отнюдь не тупица (по сохранившимся свидетельствам), чтобы не предупредить барина, что его камуфляж – липовый и «подставит» его на первой же станции.

Поэтому, прежде чем говорить о зайцах, надо решить проблему узнаваемости Сверчка, которая была абсолютной. Однажды Пушкин устроил скандал с разносом приятелю, когда офицер его части спутал А.С.'а с Василием Львовичем. **Больше такого не повторялось.** Так о какой маскировке могла идти речь? Но допустим, что стычка с зайцами и столкновение с попом действительно возымели действие и «остудили». Значит перед нами самим же Пушкиным смоделированная ситуация «Песни о вещем Олеге». Невероятно, чтобы Рылеев не явился на площадь по таким вздорным причинам. А главное: ни белой лошадьё, ни белой головой в воздухе и не пахло – чего ж было дрейфить? Предательство Олега было наказано в конце концов, и Пушкин знал это лучше других.

Скорее всего, имело место следующее: для выяснения обстоятельств Пушкин «снарядил комитет из Василья, Архипа и [кучера Петра]», (как он писал в одном из писем брату), разузнать конкретно, как и что, а чтобы придать этому характер «общего беспокойства граждán» расширил поле интересующихся – участием и соседских людей. Крепостные и могли забояться примет, а поскольку никакой обязательности в их предприятии не было, повернули на-

¹³ На самом деле никто никаких перемен во внешности михайловского помещика не отметил.

зад для консультации с барином. Вот тут тот и дал отмашку¹⁴. А потом выстроил из этого героико-романтическую историю на свой счёт. Будем считать это первой устной *повестью Белкина*. Наигрыванья, подтасовки и преувеличения из соображений вящей выразительности отмечали за ним многие современники.

На самом деле, в письме Плетнёву, датируемому первыми числами декабря, Пушкин продолжает давнишние хлопоты об освобождении легальным путём. Ничего экстраординарного и взрывного. Кроме одного: очередного «сукина сына», только теперь уже по поводу «Андрея Шенье»: «Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами, во имя От. И Сы. etc. – выписывайте меня, красавцы мои». Собственно, речь шла всего о четырёх стихах:

И час придёт... и он уж недалёк:
 Падёшь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец. Отечества рыданье
 Разбудит утомлённый рок.

4-го декабря Пушкин пишет Катенину вполне спокойное письмо, хотя в нём есть слова о смерти Александра I и надеждах на Константина, сдобренные мечтами о возвращении в Петербург.

Приблизительно в это время Пушкин запускает дезу о «неудавшейся» поездке в столицу. Зайцы виноваты! – Довод убийственный. Трепач Лёвушка должен был разнести анекдот по гостинным.

Между тем, в районе 5 декабря Пушин «извещает Пушкина, что едет в Петербург и *очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем*».¹⁵ Вот теперь-то и надо было всерьёз сниматься с места, ибо это был прямой знак общего сбора. В смысле: «мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы». Но на это письмо Пушкин «благоразумно» не отреагировал. Судя по всему, *именно сей знак* надо было заболтать анекдотами о попе и зайцах.

¹⁴ Могла иметь место сознательная игра на пушкинской суеверности в соединении с обыкновенной ленью.

¹⁵ Напоминаем, что Пушин знал, что Пушкин в *ссылке*, и сам был в Михайловском 11-го января этого года. Так что это был чистой воды *alarme!*

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.А

Во всяком случае «слабак» – благородный Кюхля 10-11 декабря явился, был принят Рылеевым в Северное тайное общество и проявил себя героем на Сенатской.

А теперь представим на мгновение, что Пушкин внял тайному жесту друга и, тщательно подготовившись, изменив внешность, или хоть в чемодане доброхота рванулся бы в Петербург, давя по дороге как клопов жирных попов и зайцев. Положим, что «мой первый друг, мой друг бесценный» увлѣк бы Пушкина на площадь и он бы встал в ряды заговорщиков, как он хвастливо заявлял потом Николаю I. Рылеевский вариант – героическая смерть на эшафоте; вариант Кюхельбекера – длительная отсидка с возможностью творить – и то и другое были бы в тысячу раз лучше, чем позорная смерть от пули в пах, полученной на дуэли с любовником жены. Он сам это понял в какой-то момент, засуетился – да было поздно. Вот откуда комплекс вины и умопомрачительная любовь к покойнику Коне, вытеснившая на периферию юношеское обожание Чаадаева. И Наталья Николаевна в качестве жены декабриста закалила бы свой характер. А то: *вдова великого поэта, ставшая женой человека, стоявшего на шухере во время её интимного свидания с Дантесом*. И это на фоне Волконской, Трубецкой и других! Одно слово – зайцы. Воистину, «в заботы (ах!) суетного света Он *мало-душно* погружѣн». – Точно и безжалостно, как всегда.

И вот, наконец, апофеоз: **рагу из зайцев** или поэмка «Новый Тарквиний». Переписана набело 13 декабря. Перед текстом Пушкин рисует всадника и гончую собаку – чтобы травить этих проклятых зайцев. Последний раз они «отработают» в «Сказке о попе и о работнике его Балде», где нехитрые манипуляции Балды отчасти саморазоблачают пушкинскую мистификацию.

Что же было побудительной причиной создания весёлого пустячка?

А вот что: 12 декабря Николай Павлович, готовящийся принять присягу в свою очередь, получает подробное донесение начальника Главного штаба И. И. Дибича из *Таганрога* (sic!) о заговоре тайных обществ. Это значит, что Александр перед уходом раскрыл все карты. В ночь с 13 на 14 Николай читает на заседании Государственного совета манифест от 12 декабря о своём вступлении на престол.

В эти же дни Пушкин со вкусом переписывает свой курьёз в стихах, выпуская навсегда в пространство русской культуры Хлестакова, который выступает на этот раз под псевдонимом «граф Нулин». Но уже на двух «дружеских ногах» с *самим*.

13 же декабря по доносу арестованы Пестель и Юшневский.

«Промедление смерти подобно». Это слова Нулина, собирающегося на ночной промысел.

«Бывают странные сближенья», – мурлыкает он, придвигаясь к аппетитной барыньке.

Декабря, 14-го дня. Ранним утром происходит опубликование манифеста от 12 числа. В 7 часов утра Сенат и Синод присягают Николаю I. Оказавшиеся верными Константину войска выстраиваются в каре на Сенатской площади. Военный генерал-губернатор граф Милорадович, уговаривавший присягать Николаю, смертельно ранен П. Г. Каховским, раздосадованным, что не смог занять освободившегося после ухода Пушкина места при графе Воронцове. Артиллерийским огнём войска рассеиваются. Среди зевак – зайцевидный Лев Пушкин, которому Кюхля зачем-то сунул тесак, чтобы освободить руки. Тесак, добытый с бою, мешал «делать жесты», а это раздражало. Как всегда, при «разборке» господ, больше всего пострадали холопы. Но такова уж *c'est la vie*.

С ночи 14 на 15 (как в своё время – 14-го нисана) идут аресты и шмон. Готовящиеся к взятию жгут документы – прежде всего святыню: масонские бумаги.

17-го декабря в «Соревнователе просвещения и благотворения» в «Литературных новостях» публикуется *радостная весть*: «Общество известилось и с удовольствием спешит уведомить читателей своего журнала, что автор многих прекрасных поэм А. С. Пушкин окончил романтическую трагедию Борис Годунов. Можно полагать, что это произведение будет эпохой в истории нашей словесности».

Всё правильно – аркан *Звезда*.

В этот же день в Петербурге был учреждён *Тайный* комитет для следствия о *тайных* обществах.

С перепуга начальство с мистериозностью перебрало.

Вечером того же дня в Тригорское приезжает из Петербурга повар Осиповой Арсений и рассказывает в присутствии страдающего зайцефобией о бунте 14 декабря и о том, что он насилу выбрался из города.

Смущённый и притихший Пушкин, вернувшись в Михайловское, зарывается в продолжение «Евгения Онегина».

Под святки автор читает А. Н. Вульффу свою трагедию всю ночь напролёт, после чего, играя с ним в шахматы, получает от него мат конём и известие о надвигающейся холере.¹⁶

Но – всё; неприятности отступили, жизнь вернулась в свою колею. Впрочем, в псковских краях она, судя по всему, из неё и не выходила.

В Петербурге идут допросы заговорщиков.

Одновременно, 28 декабря, выходит книга: Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826. Но эпитафия! *Aetas prima sanat veneres, extrema tumultus. Propertius. II. 8.*¹⁷

Зайцы догнали малодушного и впились ему прямо в филей. – Карамзин, прочтя эпитафия, устроил издателю – Плетнёву выволочку, усмотрев в «*tumultus*» намёк на современные политические события. «Что вы это сделали? Зачем губит себя молодой человек?». Старика еле успокоили, объяснив, что Пушкин имел в виду душевные смятения, а в Проперции перца не подразумевал.

Последние числа декабря – начало января: восстание Черниговского полка под предводительством Сергея Муравьёва-Апостола. Евангельские аналогии продолжают: *смятения* так *смятения!*

Колядование происходит ружейными залпами подавления восстания. – Весёленькое «26», выскочившее теперь уже в годовой цифири!..

Подспудно Пушкин постоянно думает о судьбе преданных друзей и планида «звёздного мальчика» Саши Бестужева не даёт ему покоя. Ведь ребята задумывали на 26 год издание приложения к своему альманаху – «Звёздочку», и Пушкин дал туда кусок из

¹⁶ См. ст. «Q10» настоящего издания.

¹⁷ Первая молодость воспевает любовь, позднейшая – смятения. Проперций. II. 8.

Онегина, – и вот теперь ни «Звезды», ни «Звёздочки». И перо начинает искриться:

Там **звезда** зари взошла,
 Пышно роза процвела.
 Это время нас, бывало,
 Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой,
 Дева сонною рукой
 Отирала сонны очи
 Удаляя грёзы ночи.

И являлася она
 У дверей иль у окна
 Ранней **звёздочки** светлее
 Розы утренней свежее. (ets.)

Кукольная лирика комариного «бразильянского» поэта здесь ни при чём. И «перевод с португальского» – такой же камуфляж, как «Из Пиндемонти» или «Альфиери». На этом Пушкин не успокоился – надо было выговориться до конца. Поскольку стало очевидно, «что большая часть бунтовщиков – Лицейские воспитанники»,¹⁸ поэт вспомнил о почившем вдали Корсакове, который мог бы оказаться в рядах восставших:

Под каким **созвездием**
 Под какой планетою
 Ты родился юноша?
 Ближнего Меркурия
 Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной? ♂ ♀

Уродился юноша
 Под **звездой** безвестною,

¹⁸ Запись в дневнике И. М. Снегирёва от 20-го декабря.

Под **звездой** падучею,¹⁹
Миг один блеснувшюю
В тишине небес.

Созвездие *Рылеев и Бестужев* всё больше занимает мысли михайловского отшельника: «Звезда пленительного счастья», предсказанная поэтом, полностью досталась им; их имена стали первыми, достойными быть записанными «на обломках самовластья». Они, общавшиеся с ним, как с мэтром, показали ему пример человеческой зрелости, и он был отброшен волной событий назад, в лицейские времена. Пушкин рисует свой автопортрет в виде молодого длиннокудрого человека как бы на фоне Кондратия Рылеева, изображённого «мужем совета». – Роли переменились. Рылеев уходил в вечность «исторической личностью», как назвал его и других декабристов сам Пушкин, сожалея о своих записках, которые пришлось сжечь. Пушкин с зайцами – оставался.

Из Москвы прорезался – в виде письма – голос невинного в «возмущении» Баратынского; арап возобновил свои эротические вылазки в Тригорское – всё возвращалось на круги своя. За исключением одного: чуть не на каждом заседании следственного Комитета звучало имя Пушкина. Востребованный Аполлоном, он наговаривал такого, что теперь *ничтожному* оставалось только креститься и молить провидение, чтобы пронесло. Впрочем, с предсказанием гадалки он мог себе позволить сильно не трястись.

И всё же:

А. А. Бестужев: «Что же касается до рукописных русских сочинений... мне не случилось читать из них ничего, кроме: «О необходимости законов» (покойного Фон-Визина), двух писем Михаила Орлова и некоторых блёсток А. Пушкина стихами».

В. И. Штейнгейль: «Кто из молодых людей несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой!...»

М. П. Бестужев-Рюмин: «Между тем везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это всё более и более укрепляло во мне либеральные мнения».

¹⁹ Вот и две звезды пушкинской подписи в «Полярной».

И. Н. Горсткин: «... я был раза два-три у кн. Ильи Долгорукова... у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой».

В. А. Бесчаснов: «[Борисовы и Люблинский] предлагали читать...стихи соч. Пушкина и других – постепенно разгорячавших пылкое воображение».

М. П. Бестужев-Рюмин: «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».

М. Н. Паскевич: «Первые либеральные мысли заимствовал я ...более от чтения вольных стихов г. Пушкина. ...Я, признаюсь, был увлечён его вольнодумством и его дерзкими мыслями... Сочинения сего роду Пушкина, Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому».

И так далее.

Правда, допрошенный лично Николаем Пуциным показывает, что «Пушкин, автор «Руслана и Людмилы», был всегда противником тайных обществ и заговоров. Не говорил ли он о первых, что они крысоловки, а о последних, что они похожи на те скороспелые плоды, которые выращиваются в теплицах и которые губят дерево, поглощая его соки?» (пер. с фр.)

Здесь благородный и неустрашимый Жано явно выгораживает страдающего зайцебоязную приятеля. Он понял, что Пушкин спасовал, не откликнувшись на позывные, и решил не добивать лежащего. Тем более что над тем действительно сгущались тучи. Агент Локателли доносит фон Фоку: «Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечён к делу заговорщиков» (пер. с фр.).

Так что выразительный и бесстрашный отзыв Пуцины решил дело в пользу Пушкина – одного поэта среди смертников было достаточно. Здесь уже – ценой собственной жизни – зайцебоязненного выручил святой Кондратий.

Царь ограничился приказанием извлечь из следственных дел все стихи Пушкина и уничтожить: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Уцелел лишь «Кинжал», на оборотной сторо-

не которого были записаны показания одного из подследственных. Текст был густо зачёркнут и снабжён пометой: «С высочайшего соизволения **помарал** военный министр Татищев». Это второй, прославивший себя в русской истории, Татищев.

«Русский наш Квирига» тоже хорош: выплачивая денежное вознаграждение агенту Бошняку, П. С. Пущин упоминает о Пушкине как о вольнодумце, о его разговорах и недавно «*пущенных* (!) в народ песнях». Как говорится – *ему* видней.

Но вот финальный аккорд, этого страшного «**26**»: 26 мая в «Русском инвалиде» появляется сообщение о смерти Н. М. Карамзина, последовавшей 22 мая. Сердце Николая Михайловича не выдержало испытания мучительством его гордости – его любимцев. Каково было ему, патриарху, слышать, например, такое: на вопрос следственного Комитета: «С какого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей?» – П. А. Бестужев отвечает: «Мысли свободные заронились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы: «Ода на свободу» («Вольность»), «Деревня»..., разные послания и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин».

Смерть Карамзина была катастрофой для бунтовщиков. Все в один голос говорили, что он не допустил бы казни, последовавшей 13 июля.

Да и Пушкин потерял своего самого могущественного защитника. Правда, перед тем, в Пскове, Пушкин дал подписку о непринадлежности к тайным обществам. Конечно, это же не М. Лунин, подписавшийся в прямо противоположном.

12 июня Вяземский в письме Пушкину по поводу смерти Карамзина говорит о «потере невозвратной... для нашего поколения» и советует написать покаянное письмо Николаю I с обещанием впредь держать себя иначе, посвящая всё время на одни занятия, и *слово обязательно сдержать*.

Знал бы он, что в письме Жуковскому, написанном в последней декаде января – ещё весь в заячьем перепуге²⁰ – Пушкин, прося похлопотать за него, велел *не* ручаться за его будущее поведение. Это там он пишет о своей дружбе со многими заговорщиками, хотя

²⁰ «Всё-таки я от жандарма ещё не ушёл...»

и отрекаться от принадлежности самому заговору. И в письме Вяземскому он подтверждает: «...Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков». Пишется это для «третьих лиц» и Пушкин признаётся лишь в том, что и отрицать было бы глупо. Но «отважный наш Риего», произносивший страстные речи в пользу создания тайных политических обществ, куда-то вдруг испарился – видно Аполлон «отпустил душу на покаяние».

Только что на плечах титана он достигнул главою Шекспира, а теперь брюзжит раздражённо на воспринятые от него строгости. Совет Вяземскому написать биографию историографа является замаскированным отказом писать её самому. В конце концов, биографию напишет М. Погодин, а Пушкин займёт место Карамзина при дворе. Таковы гримасы Фортуны. Впрочем, Карамзин не ревновал «оттуда». Более того, продолжал помогать.

И вот ещё «13» – 13 июля. Это – кульминация второй «26» (двадцатишестёрки). На валу кронверка Петропавловской крепости происходит церемония разжалования осуждённых и казнь П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, П. Г. Каховского, М. П. Бестужева-Рюмина и С. И. Муравьёва-Апостола.

Николай I только что – седьмого июля – отпраздновал юбилей – тридцатилетие.

Казнь была запоздавшим подарком ко дню рождения.

Тем более, что 30 – числовое значение Двенадцатого аркана *Повешенный*.

Пушкин был знаком со всеми *пятью* казнёнными.

Их тени навсегда останутся *пятнами* на Солнце русской поэзии.

Ибо, встречаясь, он говорил с ними не о «Мадам Клико» или женских ножках.

Одним словом: *Комедия о настоящей беде...* –

Накаркал.